

Музеефикация мечети: казахстанский дискурс публичных пространств

Кульшат А. Медеуова¹, Мейрам Ж. Кикимбаев^{2*}

Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева, Астана, Казахстан

*Автор для корреспонденции:

m.kikimbaev@yandex.ru

¹<https://orcid.org/0000-0001-8860-9678>

²<https://orcid.org/0000-0002-4157-3302>

DOI: 10.32523/2616-7255-2022-140-149-164

Аннотация. Общественное сознание часто тиражирует устоявшиеся представления о том, что такое публичное пространство, наделяя их привычными характеристиками и особенностями, вытекающими из их открытости или закрытости для интеракций индивидов или коммуникаций сообществ. В то же время, как показывают различные процессы и изменения в культуре и повседневности, публичные пространства, нарушая наши привычные представления о них, требуют своего переосмысления, как бы настойчиво предлагая нам все новые и неожиданные сценарии собственных трансформаций и гибридизаций. Особенно интересно это проследить на примерах изменений в городской жизни, где наиболее высока, на наш взгляд, вероятность пересечения различных практик, влияющих на конструирование дискурса о новых публичных пространствах.

В статье на основе статистических данных с 1990 по 2021 годы, а также полевых данных, собранных в период с декабря 2021 года и март 2022 года, дано некоторое переосмысление роли и места мечети в казахстанском обществе, в дискурсах об общественном пространстве. Основной фокус направлен на то, чтобы проследить, как происходит выход культурной памяти за границы музеев, как происходит музеефикация казахстанских мечетей и шире публичного пространства.

Авторами фиксируется новая тенденция на открытость религиозного пространства в Казахстане, когда мечети выполняют не только привычные культовые ритуалы и церемонии, но становятся новым публичным пространством, местом соучастия государства, религиозных и культурных институций. В качестве отдельных кейсов проанализированы коллаборации представителей различных местных сообществ, направленных на расширение функций мечетей, в том числе использованию ее для более широкой социальной коммуникации, трансляции религиозных ценностей и нарративов культурной памяти.

Ключевые слова: мечеть; музей; культурное наследие; культурный ландшафт; места памяти; коммеморация; апроприация; публичное пространство; музеефикация; Духовное управление мусульман Казахстана.

Received 10 June 2022. Revised 20 June 2022. Accepted 31 July 2022. Available online 30 September 2022.

For citation:

Medeuova K.A., Kikimbayev M.Zh. Museumification of a mosque: Kazakhstani discourse of public spaces // Bulletin of the L.N. Gumilyov ENU. Historical sciences. Philosophy. Religion Series. 2022. – Vol. 140. – No. 3. – P. 149-164. DOI: 10.32523/2616-7255-2022-140-149-164.

Для цитирования:

Медеуова К.А., Кикимбаев М.Е. Музеефикация мечети: казахстанский дискурс публичных пространств // Вестник ЕНУ им. Л. Гумилева Серия Исторические науки. Философия. Религиоведение. – 2022. – Т. 140. – №. 3. – С. 149-164. DOI: 10.32523/2616-7255-2022-140-3-149-164

Введение

Пьер Нора, описывая различия между историей и памятью, первую считал всегда проблематичной и противоречивой реконструкцией прошлого, а память всегда актуальным феноменом экзистенциального переживания вечного настоящего (Нора, 1999: 20). По этой причине память находится в постоянном процессе изменения и оживления, в обществе чередуются собственные механизмы амнезии и вспоминания, не вписывающиеся в текущие идеологические нарративы истории. На этом разломе музеи могут быть и своеобразными точками сборки дискурсов памяти и в тоже время быть инструментами жесткого фреймирования памяти.

Для статьи выбраны две разные темы – мечети и публичное пространство, которые мы рассмотрим через перекрестный анализ, чтобы выйти за границы классических эпистемологических схем, когда обе темы, стандартно исследуемые разными направлениями социально-гуманитарного блока, от религиоведения, теологии до музеологии и социологии, практически не пересекаются. Тогда как мы хотим показать, как в Казахстане постсоветского периода произошло ассамблирование этих тем через аргументации к культурному наследию.

В советский период истории Казахстана ислам как важная часть национальной идентичности местного населения была репрессирована, идеологически препарирована и буквально вытеснена из публичной жизни. В результате радикальной политики в сфере религий 20-30 годов XX века, несмотря на определенные послабления и создание в 1943 году САДУМ в Узбекистане

и казаятов в остальных центральноазиатских республиках, мечети как публичные пространства были практически исключены из повседневной жизни населения.

История музейного дела в Казахстане, по вполне очевидным причинам, может быть описана как зависимая от идеологического сопровождения со стороны советской власти. В коллективной монографии «Практики и места памяти в Казахстане» (Медеуова, 2017: 438) отмечается, что казахстанское музейное пространство не отличается большим разнообразием, музеев в Казахстане на момент развала Советского Союза было чуть более двухсот и появились они в результате советского просветительского проекта. Поэтому советская практика «самодавлеющей закрытости», которая возникла из понимания коллективной памяти как однородного (по сути идеологического) единства, сохраняется по-прежнему в казахстанских музеях.

Галия Файзуллина, отмечает, что на общую ситуацию развития музейного дела в Казахстане повлияло то, что «казахская культура скорее устная, вербальная, основные ее памятники не материальны, а сохранять нематериальное в материальной форме довольно сложно» (Файзуллина, 2012: 397). Поддерживаем этот тезис в той части, где обращается внимание на сложности перевода всей палитры кочевой культуры в статические форматы музеев с колониально-просветительской миссией. Отмечаем также особую «скучность репрезентаций» в классических краеведческих музеях Казахстана. Тогда как за последние десятилетия появились новые практики памяти и экспозиционной деятельности, направленные на эмоциональные переживания прошлого. Новые практики памяти способствуют активному участию

музеев и, как оказывается, не только музеев, но и даже мечетей в формировании локальной памяти через дизайн публичных пространств в целом, в создании коллективного субъекта памяти-воображения.

За годы независимости в Казахстане произошел бурный рост количества мечетей. В 1990 г. – 46, а в 2021 г. – 2 695. Процесс, который первоначально протекал хаотично, без особых регуляций со стороны государства (Кикимбаев и др., 2021: 11). Лишь с принятием в 2011 году Закона РК «О религиозной деятельности и религиозных объединениях» были внедрены строгие механизмы регистрации и перерегистрации религиозных организаций и их культовых сооружений, что в результате способствовало усилению Духовного управления мусульман Казахстана, под контролем которого оказались все мечети страны. Более того, с каждым годом практики регуляций со стороны религиозной институции стали усиливаться, итогом чего стало то, что ДУМК в 2018 году утвердил единые правила к строительству и функционированию казахстанских мечетей (Правило строительства здания мечети в типовом проекте, 2018). Согласно новым требованиям, мечеть должна быть не просто местом поклонения для верующих, но также стать культурным центром и общественным пространством, развивая коммуникативные, образовательные, просветительские, благотворительные и иные направления деятельности. Вместе с тем, в отношении казахстанских мечетей можно наблюдать тенденции развития, не встречающиеся в правилах функционирования мечетей – это процессы музеефикации, которые вытекают из государственной политики в области сохранения и брендинга культурного наследия или являются формой регионального сотрудничества власти и местных сообществ.

В период Независимости появились не только новые мечети и новые музеи, но и расширился диапазон использования музейных репрезентаций в иных не связанных с музеями напрямую общественных пространствах. В этой связи считаем актуальным на примере Казахстана

рассмотреть, как используются публичные пространства для экспонирования памяти о культурном наследии, в особенности как усиливается роль мечети в качестве публичного пространства для музейных практик.

Материалы и методы

При подготовке статьи проанализированы источники: отечественных и зарубежных публикаций о роли мечетей, развитии государственных программ «Культурное наследие» (этапы реализации: 2004-2006, 2007-2009, 2009-2011) и «Сакральный Казахстан» (2017 – по н.в.); аналитических исследований об исламском дискурсе в Казахстане; документов Духовного управления мусульман Казахстана; публикаций из интернет-ресурсов мечетей «Нур-Гасыр» и «Халифа Алтай»; учредительных документов и материалов исследуемых исламских музеев; публикаций новостных порталов, посвященных деятельности государственных и конфессиональных музеев исламской культуры.

С декабря 2021 года по март 2022 года проведены интервью с представителями музеев исламской культуры – потомками репрессированных в советский период религиозных деятелей и организаторами поисковых экспедиций для музея «Руханият» (г. Актобе), работниками конфессионального музея при центральной мечети «Халифа Алтай» (г. Усть-Каменогорск).

Использовались стандартные методы полевой работы: наблюдение, описание, фиксирование, фотографирование, сбор устных историй. Применялись методы визуального анализа при исследованиях мечетей и музеев в городах Актобе, Усть-Каменогорск и Торгай. Использовались официальные статистические данные.

Обсуждение

Современными исследователями отмечается определенная сложность в употреблении привычных дефиниций

публичного пространства. Социолог Олег Паченков считает, что причиной тому является исчезновение в современном мире отдельных видов традиционной публичной коммуникации и деятельности. При этом вне поля зрения остаются новые или формирующиеся формы публичных пространств. И в этой связи социальным ученым, по его мнению, необходимо изучать новые формы публичности, нужно искать «новое определение, новое видение, новое понимание недавних социальных процессов и критерии, позволяющие видеть новые публичные пространства» (Паченков, 2012: 67).

Публично-общественное пространство в социальных науках часто рассматривается как городская территория, которая формируется через постоянное и активное соучастие власти и местных сообществ, и которая, в свою очередь, сама начинает определять специфику воспроизводства культурной жизни, способствуя формированию новой социальной реальности (Баталина, 2017: 11). Поэтому в фокусе основного внимания современных ученых находится город, в котором изучаются как открытые и закрытые публичные пространства, так и симбиоз и ассамбляж того и другого. Однако, большинством авторов в вопросе принадлежности публичных пространств только городу делается оговорка о том, что публичность возникает и успешно функционирует и вне городов, в любой точке культурного ландшафта.

В казахстанской науке исламские культовые сооружения, в частности мечети долгое время являлись объектом исследования в основном исторической науки. Исследования могли охватывать как целые периоды в истории Казахстана (Аманжолова, 2017: 11), (Сактаганова, 2017: 25), так и посвящены особенностям функционирования мечетей в определенном городе или регионе как важных общественных пространств (Нурбаев, 2016: 87), (Бисенова, 2016: 14), (Шаблей, 2020: 51).

В последнее десятилетие, с увеличением количества и явным усилением роли мечетей,

возрастает интерес к их исследованию как возрождаемого или заново конструируемого объекта культурно-исторического наследия, и как публичного пространства, оказывающего значительное влияние на семейно-бытовые отношения основной части казахстанского общества. Более того, в Казахстане в настоящее время, порождая новые гибридные практики публичности, происходит пересечение и соприкосновение пространства мечети и музея, что также начинает попадать в фокус междисциплинарных исследований.

Другая важная сторона изучаемого вопроса возникает при рассмотрении процессов музеефикации казахстанской мечети взглядом специалистов-музееведов. Например, одним из проблемных аспектов и предметов дискуссий в сфере организации музейного дела является появление форм музейного экспонирования в иных публичных пространствах, что может повлиять на пересмотр исследователями критериев типологизации казахстанских музеев, в большей степени основанных на канонах и традициях советской музеелогии. По мнению некоторых исследователей и организаторов музейного дела, в Казахстане уже появились новые музейные практики, которые сложно определить в какую-либо из классификационных категории отечественных музеев (Сатубалдин, Сахиева, 2021: 15), (Сатубалдин, 2021: 23). В этой связи становится актуальным необходимость междисциплинарного изучения музеефикации публичных пространств, в том числе музейных практик связанных с казахстанскими мечетями.

Мечеть может функционировать не только как замкнутое в себе пространство, но и как часть более комплексного, открытого публичного пространства или же прийти к различным комбинациям сосуществования с иными закрытыми пространствами, что меняет ее восприятие от места культового богослужения до части сакральной географии или центра общественной и культурной жизни – одним из таких казахстанских практик можно считать процесс музеефикации мечети, который является важным аспектом дискурса

публичных пространств. Например, археолог и этнолог Серик Ажигали уделяет особое внимание изучению мечетей и культовых объектов древнего Мангыстау и Устюрта как наиболее важных памятников сакральной географии Казахстана (Ажигали, 2014:32). Другой аспект выделен в коллективной монографии «Практики и места памяти в Казахстане», где авторы отмечают исторические мечети как значимые объекты исламского наследия, с которыми связаны различные республиканские и региональные практики памяти и паломничества (Медеуова, 2017: 438). Кроме этого, казахстанскими исследователями анализируются не только процессы конструирования сакральной казахстанской географии, но также приводятся примеры наиболее распространенных локальных практик коммемораций, связанных с присутствием или встраиванием мечетей в иное сакральное пространство: а) когда мечети в единстве с могилами святых, мавзолеями или другими объектами прилегающей территории являются органичной частью сакральной территории или историко-культурного заповедника или б) когда рядом с определенной святыней, чаще всего вблизи мавзолея, могут быть возведены мечети для паломников, которые со временем будут восприниматься как элементы сакрального или музеефицированного пространства (Медеуова и Сандыбаева, 2018: 22).

Междисциплинарные исследования в сфере коммеморативных исследований (memory studies) и сакральной географии требуют от вовлеченных исследователей выхода за рамки привычных эпистемологических схем, применения иного методологического инструментария, в том числе с учетом «пространственного поворота» (spatial turn) в социальных и гуманитарных науках, произошедшего во второй половине XX века (Трубина, 2011:7). Особенно это актуально когда в объекте исследования имеются пересечения разных пространств, когда предметная неоднородность и фронтальность, как в случае с музеем и мечетью, ставит в эпистемологический тупик и заставляет

искать более эффективные пути и методы анализа.

Сценарии музеефикации мечетей в Казахстане

Если взять временной период с середины 80-х годов XX века по настоящее время, то процессы музеефикации мечетей в Казахстане можно условно разделить на три направления развития:

1. Включение исторических мечетей в список памятников истории и культуры республиканского значения, создание мечетей-музеев и комплексных музеев-заповедников;
2. Эксперименты государственных органов по созданию музеев исламской культуры за счет бюджетного финансирования;
3. Инициативы региональных представительств ДУМК по самостоятельной организации музея в мечети.

Первый сценарий в целом носит типичный характер для всех стран Центральной Азии. Музеефикацию исторических и культурных объектов можно назвать естественным процессом по сохранению национального наследия, имевшим начало еще в позднесоветский период. На начало 2022 года в список памятников истории и культуры республиканского значения Казахстана было внесено 250 объектов, в том числе около 30 исторических мечетей. Часть из них входит в структуру музейных комплексов – заповедник-музей «Азирет Султан», Мангистауский государственный историко-культурный заповедник, Историко-музейный комплекс «Букеевская орда» и др. Некоторые мечети являются отдельными объектами исламского наследия. Такие как, построенный в китайском стиле архитектурно-художественный музей «Жаркентская Мечеть», татарские мечети города Семей и другие. Если в первом случае мечети являются частью крупного музейного комплекса, то во втором случае границы мечети и музея совпадают и их можно назвать мечетями-музеями, если они действующие, или музеями-мечетями,

если в них не отправляется культовая служба. Кроме этого, большинство из списка казахстанских памятников истории и культуры республиканского значения внесены государством в перечень сакральных объектов общенационального и регионального значения (Сакральные объекты Казахстана, 2017:9).

В отличие от первого сценария, реализуемой как части национальной политики, другие два сценария получили развитие недавно, когда в мечетях отдельных регионов стали развиваться музейные практики, которые не вписываются не только в общую типологию казахстанских музеев, но и являются новыми для самих мечетей.

В Казахстане государственные музеи в основном следуют стандартам, установленным в советский период, соответственно, при классификации музеев специалисты опираются на традиции и каноны советской музеелогии. Согласно данным Бюро национальной статистики (Статистика культуры, 2021) в Казахстане с начала века наблюдается постоянный рост количества музеев и к 2021 году в стране имеется 264 музея (Диаграмма 1), классифицированных по семи категориям – исторические (44), краеведческие (107), мемориальные (62), научные (4), искусствоведческие (11), заповедники-музеи (14) и другие (22). В последнюю группу входят государственные музеи, которые

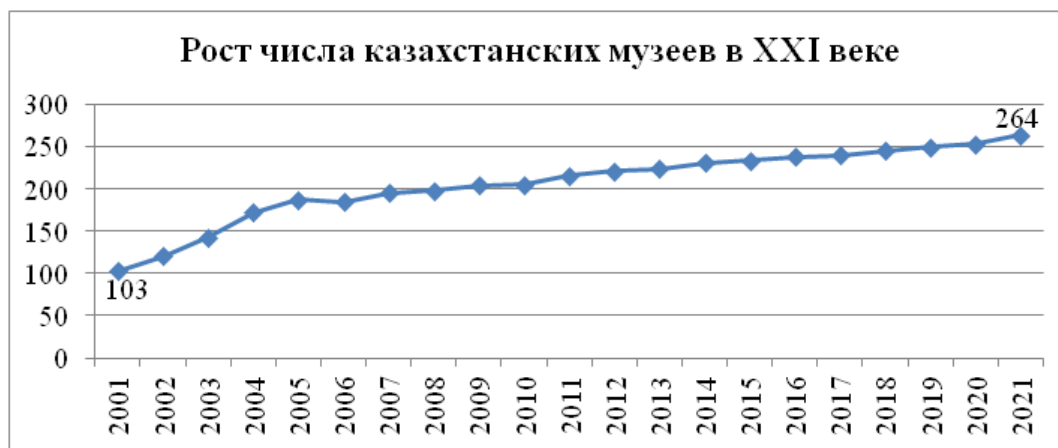
не могут быть отнесены ни к одной из предыдущих категорий. Как мы видим по категории «другие», нестандартные музеи по количеству уступают лишь краеведческим, мемориальным и историческим музеям.

Второй вариант – эксперименты государственных органов по созданию музеев исламской культуры – рассмотрим, на примере таких проектов, которые казахстанские музееологи отнесли бы к «другим». Среди «нестандартных» музеев особо выделяется государственный музей «Руханият» при главной мечети города Актобе. Музей представляет собой кейс гибридизации музейной практики, в котором пересекаются интересы государственной светской власти и исламского сообщества. Согласно Уставу музея «Руханият» (Устав, 2010), основной целью и тематическим направлением музея является восстановление памяти об исламском наследии Актюбинского региона досоветского и начального советского периодов.

Идея внесения в проект мечети тематического музея главы региона появилась после посещения Музея исламской культуры при мечети Кул-Шариф в Казани (Татарстан, РФ). Для реализации идеи пригласили архитектора татарской мечети А.Г. Саттарова, конструкторское бюро которого разработало проект актюбинской мечети «Нур-Гасыр», включив в него экспозиционный зал для

Диаграмма 1. (составлена на основе данных Бюро национальной статистики РК.

Ссылка: <https://stat.gov.kz/official/industry/21/statistic/7>)

будущего музея (Актюбинская областная центральная мечеть, 2022: 26).

В экспозиционной логике музея «Руханият» заметно то, что в основу концепции заложено движение от настоящего к прошлому: начальные 2 стенда демонстрируют этапы строительства и открытия мечети «Нур-Гасыр» (Рис. 1 и 2), остальные 14 стендов посвящены истории зарождения ислама (2 стенда), истории его распространения в Казахстане (2 стенда) и исламскому наследию Актюбинского региона (10 стендов). Таким образом, из 16 стендов самый крупный блок иллюстрирует местное религиозное наследие, куда входят фотографии и вещи религиозных деятелей (хазретов, ишанов, ахунов, халпе), где размещены религиозные книги, предоставленные музеем местным населением, в том числе потомками религиозных деятелей, а также различные фотографии и макеты исторических мечетей Актюбинского региона (Рисунок 3 и 4).

Открытый при музее клуб «Руханият» возглавляет внучка знаменитого исламского деятеля, за счет кооперации потомков религиозных деятелей уже снято 5 документальных фильмов об исламском

Рисунок 1. Аким области Е. Сагындыков перед установкой полумесяца на купол мечети (фото М. Кикимбаева)

наследия региона, при их активном участии в Актюбинской области проводятся ежегодные поисковые экспедиции «Аманат». Потомки репрессированных исламских деятелей, так или иначе, вовлечены как в процесс по сбору музейных экспонатов, так и в их популяризацию. Их вовлеченность и сотрудничество, в конечном счете, сформировала и определяет особенность музея «Руханият».

Следует отметить, что сама идея открытия музея исламской культуры за счет государства противоречит светским принципам государственной политики в религиозной сфере, согласно которым религия отделена от государства, и официальная власть не должна содействовать или отдавать предпочтение какой-либо из конфессий. Нестандартность музея демонстрирует также то, что он был открыт не в отдельном здании, а в стенах исламского культового сооружения. Музей с момента открытия прошел через сложные этапы юридической реорганизации, слияния и переезда в здание областного историко-краеведческого музея, а затем снова был перемещен в здание мечети под давлением потомков религиозных деятелей, которые посчитали, что предоставленные ими экспонаты затеряются в хранилищах или не будут в должной мере экспонированы в краеведческом музее.

Кейс Актюбинской области долгое время являлся единственным проектом государственного музея в стенах мечети. В настоящее время на стадии появления еще один музей в городе Петропавловск, где в сентябре этого года будет завершена реставрация Давлеткильдеевской мечети, возведенной еще в колониальный период (1857 г.). Согласно планам областного акимата после завершения реставрации за счет государственного бюджета в мечети будет открыт музей исламской культуры (Жуковень, 2022:4).

Примером третьего сценария можно считать частную инициативу имамов и местного сообщества населенного пункта Торгай, где в мечети есть отдельные

Рисунок 2. Посещение мечети Н. Назарбаевым и Д. Медведевым во время V Международного форума глав приграничных территорий Казахстана и России (фото М. Кикимбаева)

помещения, которое используется в качестве музея. Часть экспозиции музея связана с деятельностью Газиза Амирханова, одного из инициаторов строительства мечети, ставшего имамом мечети и ответственным

за музей. В этой истории пересекаются разные нарративные линии культурной перезагрузки постсоветского периода. На момент развала Советского Союза Амирханов работал в системе образования,

Рисунок 3. Стенды, посвященные религиозным деятелям и разрушенным в советское время мечетям (фото М. Кикимбаева)

Рисунок 4. Часть макетов татарских и новых мечетей в Казахстане (фото М. Кикимбаева)

то есть обладал необходимым социальным капиталом для того, чтобы коммуницировать с властью, использовать определенный административный ресурс для строительства. С другой стороны, он обладал и культурным капиталом, так как история его рода связана с просветительскими традициями, наиболее сильными в этом регионе. Это и подвижничество Ыбрая Алтынсарина, Мыржакыпа Дулатова и многих других заметных акторов в казахской истории. Кроме того, его предков в эти края привез/пригласил из Бухары легендарный для этих мест Шакшак Жанибек (1693-1752) для того, чтобы они учили местных жителей канонам ислама.

В небольшом музейном пространстве (не более 20 квадратных метров) в достаточно лапидарном варианте показаны все главные сюжеты казахской истории, которые мы можем встретить практически во всех музеях страны. В этом схематическом воображении истории есть свои реперные точки – мифологические герои, ханы, батыры, тарханы, предводители, знатные люди, старейшины рода – а также те, кто устанавливали в регионе власть большевиков (командиры, комиссары), строили социализм (первые учителя, ученые, военные, номенклатурные руководители),

воспедали социалистические достижения (артисты, писатели, режиссеры), космонавты и возвращенные имена (алашординцы, репрессированные, ссыльные, эвакуированные и незаслуженно забытые культурные акторы).

Пример с Торгайскими музеями важен еще и потому, что здесь отчетливо видна работа местного сообщества по созданию новых нарративных схем памяти и преодоление практики, когда в одной экспозиции могут смешиваться разные идеологические сюжеты. В населенном пункте, который с экономической и демографической точки зрения находится в не лучшей форме, имеется шесть музеев, четыре из которых являются государственными. У каждого музея есть своя уникальная специализация на особых аспектах. То есть для местного сообщества культурная память не формируется возможностями официальных музеев и поэтому каждый музей заполняет свою нишу культурной памяти.

В целом, сценарий, связанный с инициативами самих мечетей и местных сообществ, за период независимости имеет свою историю развития во времени – от небольших стендов и персональных кабинетов, посвященных определенному религиозному деятелю (мечеть обычно носит его имя), до

Рисунок 5. Мечеть «Халифа Алтай» г.Усть-Каменогорск (фото К. Медеуовой)

экспериментов по созданию масштабных экспозиций по примеру государственных историко-краеведческих музеев. Наиболее ярким примером этого является музей исламской культуры, который был открыт в 2019 году при центральной мечети «Халифа Алтай» в г. Усть-Каменогорск (Рисунок 5).

Идея создания Музея исламской культуры также принадлежит акиму области. Руководитель региона, как и в случае с музеем «Руханият» в Актобе, предложил эту идею после посещения Музея исламской культуры при мечети Кул-Шариф в Казани (Татарстан, РФ). Однако, в отличие от актюбинского музея, музей в Усть-Каменогорске не является государственным, а главным организующим актором выступает руководство мечети «Халифа Алтай».

Примечательно то, что конфессиональный музей разработал и развивает масштабную экспозиционную концепцию, что обычно характерно государственным историко-краеведческим музеям. Во-первых, линейно были созданы семь экспозиций, в которых главной мыслью проходит идея эволюции религиозности казахов от древности (от тенгрианства) до наших дней (утверждение традиционного ханафитского ислама с обретением независимости). Во-вторых, музей

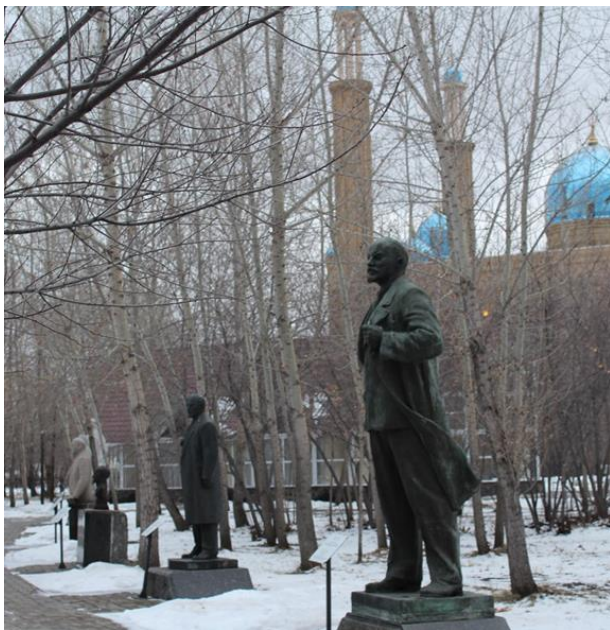
не ограничился религиозным наследием, в нем представлены археологические и этнографические экспонаты (балбалы, юрта, одежды, утварь, монеты и т.д.). В-третьих, есть специальный блок, посвященный истории становления казахской государственности от ханов Джанибека и Керей до Нурсултана Назарбаева, в котором акцент ставится на то, что возрождение религиозного и национального наследия стало возможным благодаря обретению независимости. В особенности, отмечается тот позитивный момент, что по всему Казахстану происходит возрождение традиционного ислама, растет количество практикующих верующих и мечетей.

Такая неспецифическая функция для мечети, стать пространством репрезентации культурной памяти, возможно, была спровоцирована другим инициативным соседским проектом, расположенным в непосредственной близости от мечети на левом берегу Иртыша.

Во-первых, это проект музейного энтузиаста Николая Зайцева. Он создал под открытым небом музей материальной памяти многонационального местного населения. В его концепции «музей играет роль своеобразного маркера территории,

отмечая ее уникальность и принадлежность к различным культурам и цивилизациям» (Алтаев, 2022:6). Приоритетными в музейной работе являются проблемы, связанные с изучением древних культур Прииртышья, этнографии коренных малочисленных народов, казахского и славянского населения. Непосредственно между этим музеем и новой мечетью расположены экспозиции военной техники и памятников советского периода – «Ленин парк» (Рис. 6). В отличие от других казахстанских городов это не просто хаотическое собрание памятников в одном месте, а хорошо продуманная дизайнерская инвестиция в городской парк. У каждого памятника имеется соответствующая табличка, в которой указывается и авторство работы, и где раньше стоял памятник.

Рисунок 6. «Ленин парк» в г.Усть-Каменогорск (фото К. Медеуовой)

В этом парке пять памятников В. Ленину, два Ф. Дзержинскому, памятник А. Жданову, Л. Толстому, М. Горькому, В. Маяковскому. Помимо памятников в этом же парке собрано большое количество артиллерийских орудий: как исторических, так и вполне современных. Их наличие в качестве экспонатов невольно отсылает к прежнему образу города как закрытого (секретного) объекта,

занимавшего важное место в системе военно-промышленного комплекса Советского Союза, и поэтому здесь сохранилась почти ностальгическая память о прошлом «прямом» канале связи с метрополией.

В коллективной монографии «Практики и места памяти в Казахстане» Усть-Каменогорск рассмотрен авторами как фронтир между советским и постсоветским состоянием. Местный исследователь Александр Алексеенко концептуализирует эту фронтирность как «сосуществование параллельных миров» (Алексеенко, 2016:9), и обращает внимание, что инерция советского прошлого продолжала определять вектор развития областного центра и в суверенное время, когда сохранившийся «индустриальный стержень» в значительной мере удерживал прежнюю этническую структуру города. То есть, по мнению ученого советское прошлое городов было закреплено в определенных демографических пропорциях, когда города в Казахстане были преимущественно заселены не казахами, города не были казахскими в прямом и метафорическом смысле, они были советскими, а значит подчиненными логике развития индустриализации, поднятия целины, формирования военно-промышленного комплекса. Таким образом, Усть-Каменогорск – это город, в котором лучше всего сохранилась ткань советского города, большинство паттернов советской мемориальной культуры и практики, несмотря на внешние общие для всех казахстанских городов изменения, произошедшие за годы независимости.

Поэтому, на наш взгляд, такая символическая нагрузка на новую мечеть кажется очевидной, фронтирность города порождает гибридные формы и методы трансляции религиозного наследия. Отсюда и еще одна отличительная деталь – в штате мечети «Халифа Алтай» нет профессиональных музейных работников, хранителями экспонатов и экскурсоводами выступают сами имамы и работники мечетей. В свою очередь, конфессиональная принадлежность музея влияет на личную заинтересованность руководства мечети,

открывает более широкие перспективы для развития: организаторы не ограничены бюрократическими процедурами, присущими государственным учреждениям, мечеть более мобильна при установлении коммуникаций и сотрудничества с различными зарубежными и отечественными институтами и сообществами. Если в государственном музее «Руханият» в г.Актобе чувствуется некоторое взаимное отчуждение музея и мечети, то в конфессиональном музее Усть-Каменогорска нет этих институциональных барьеров, музейный зал является органичной частью культового сооружения.

Заключение

Представленные в данной статье материалы, несомненно, требуют дальнейшей теоретической проработки и дескриптивного дополнения. При этом авторы руководствуемся не только отношением к памяти как к истории, но и как к актуальному для настоящего прошлому, а так же, как к особому инструменту каталогизации процессов, которые происходят в текущей современности Казахстана.

Некоторые частные выводы по текущим тенденциям касаются взаимоотношений между государством и религиозными институциями, здесь можно выделить две полярные позиции: а) в государственном музее в Актобе акцент ставится на травмах памяти, нарушенной преемственности поколений и потерянном наследии; б) в конфессиональном музее в Усть-Каменогорске период с момента обретения Казахстаном независимости рассматривается как время

торжества традиционного ислама, а прошлое как то, о чем следует помнить, но важнее смотреть в будущее.

В целом же, во всех кейсах музеефикация мечети, мы видим проявление более обширного казахстанского дискурса о современных и актуальных публичных пространствах. Новые сценарии музеефикации публичных пространств, в том числе мечетей не концептуализированы и носят условный характер, в будущем возможно выявление иных музейных практик, которые могут как дополнить, так и опровергнуть предположения.

Тем не менее, общим моментом для рассмотренных в нашей статье музеев ислама является то, что они на местах способствовали расширению роли мечетей в качестве публичного пространства, которые теперь функционируют не только как культовое сооружение, но и становятся местом посещений и коммуникаций для различных местных сообществ, местом экскурсий для государственных и зарубежных делегаций.

В настоящее время тенденции открытия музеев исламской культуры со стороны религиозных институций находят свое продолжение уже на центральном уровне. Так, 12 августа 2022 года в городе Нур-Султан открыта новая республиканская соборная мечеть при ДУМК, в проект которого включен музей исламской культуры. Пока неизвестно какой будет концепция нового музея, будет ли она носить локальный или национальный характер. Однако, несомненно, то, что теперь эксперименты по организации музея при мечетях переходят с регионального на центральный уровень – в столицу Казахстана.

Список литературы

Ажигали С. Памятники Мангыстау и Устюрта: книга-альбом / С. Ажигали. – Алматы: Типография «Онер», 2014. – 504 с.

Сагындыков Е. Актюбинская областная центральная мечеть. [Электрон. ресурс] – 2022. – URL: <http://web.archive.org/web/20130125032849/http://aktobe.su/wp-content/uploads/2011/01/d0bcd0b5d187d0b5d182d18c2abd0bdd183d180-d0b3d0b0d181d18bd180c2bb.pdf> (дата обращения: 13.07.2022).

Алексенко А.Н. Место встречи Усть-Каменогорск: два мира, два образа жизни в поисках взаимодействия и сотрудничества. Институт мировой экономики и политики (ИМЭП) при Фонде Первого Президента РК – Лидере Нации. – Алматы. – 2016. – С. 10.

Алтаев Б. Феномен музейщика Зайцева. Сайт ТОО «Республиканская газета «Егемен Қазақстан». [Электрон. ресурс] – 2022. – URL: <https://kazpravda.kz/n/fenomen-muzeyshchika-zaytseva/> (дата обращения: 06.06.2022).

Аманжолова Д.А. Роль мечетей в социо-культурном развитии казахского кочевого общества во II-й половине XIX века: диссертация на соискание степени доктора философии (PhD): 6D020300 – История. – Алматы: Казахский национальный педагогический университет им. Абая, 2017. – 120 с.

Баталина Т.С. Анализ особенностей формирования общественного пространства. Бизнес и дизайн ревю. – 2017. – Т. 1. 1(5). – С.11-17.

Bissenova A. Building a Muslim Nation: The Role of the Central Mosque of Astana. In *Kazakhstan in the Making: Legitimacy, Symbols, and Social Changes* / A. Bissenova. – London: Lexington Books, 2011. – 229 p.

Жуковень О. Полуторавекую мечеть восстанавливают в Петропавловске. Международное информационное агентство Казинформ. [Электрон. ресурс] – 2022. – URL: https://www.inform.kz/ru/polutoravekovuyu-mechet-vosstanavlivayut-v-petropavlovsk_a3940636 (дата обращения: 06.06.2022).

Kikimbayev M., Medeuova K., Ramazanova A. Mosques in post-soviet Kazakhstan: discourse interpretation and regulatory practices. *Central Asia & the Caucasus* (14046091). – 2021. – No. 22(4). – P. 14.

Медеуова К.А., Сандыбаева У.М., Наурызбаева З.Ж., Толмагамбаева Д.Т., Ермаганбетова К.С., Мельников Д.Н., Кикимбаев М.Ж., Рамазанова А.Ч., Тлепберген А.Б., Жетибаев Е.Ж., Оразбаева Д.Е., Полтавец К.А. Практики и места памяти в Казахстане. – Астана: ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, 2017. – 318 с.

Медеуова К.А., Сандыбаева У.М. Сакральная география в Казахстане: мемориальная политика государства и локальные практики в публичных пространствах. *Мир Большого Алтая*. – 2018. – № 4(3). – С. 438-447.

Нора П. Проблематика мест памяти. Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок. – Санкт Петербург: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1999. – С. 17-50.

Нурбаев Ж.Е. Истоки формирования институтов ислама в Северном Казахстане (на материалах Петропавловского уезда Акмолинской области). *Электронный научный журнал «edu.e-history.kz»* 1(05). [Электрон. ресурс] – 2022. – URL: <https://edu.e-history.kz/ru/publications/view/360> (дата обращения: 14.07.2022)

Паченков О.В. Публичное пространство города перед лицом вызовов современности: мобильность и «злоупотребление публичностью». *Новое литературное обозрение*. – 2012. – № 117. – С. 67-83.

Правило строительства здания мечети в типовом проекте в Республике Казахстан. Утверждено 18 апреля 2018 года на XIX заседании Совета улемов Духовного Управления Мусульман Казахстана. 3 стр. (из личного архива М. Кикимбаева)

Сакральные объекты Казахстана общенационального и регионального значения. – Астана: Фолиант, 2017. – 496 с.

Сактаганова З., Мажитова Ж., Аймахов Е. Государство и религия в советской истории: этапы и особенности взаимоотношений в Казахстане. *Вестник КазНПУ им. Абая, серия «Исторические и социально-политические науки»*. – 2017. – №2(53). – С. 191-200.

Сатубалдин А.К. Музейный мир Казахстана: основные направления деятельности // *Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств*. – 2020. – № 52. – С. 120-129.

Satubaldin Abay., Sakhiyeva Kunikey. The Museum System of Modern Kazakhstan: Classification and Typology of Museums. *Muzeológia a kultúrne dedičstvo*. – 2021. – № 9(2). – С. 79-89.

Статистика культуры (Деятельность музеев) (2021). Сайт Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан. [Электрон. ресурс] – 2022. – URL: <https://stat.gov.kz/official/industry/21/statistic/7> (дата обращения: 05.07.2022).

Трубина Е. Преподавая «поворот к пространству»: зачем, кому и вместе с кем? *Топос*. – 2011. – № 1. – С. 39-61.

Устав Актюбинского государственного музея «Руханият». Утвержден постановлением № 255 акимата области от 16 августа 2010 года (из личного архива М. Кикимбаева).

Файзуллина Г.Ш. Хранение, состав и структура музейных фондов Казахстана в советский период сквозь призму терминологических проблем // *Материалы республиканской научной конференции «IV*

Оразбаевские чтения» на тему «Проблемы и достижения Отечественной археологии и этнологии в XXI столетии», посвященной 90-летию А.М. Оразбаева. – Алматы: Қазақ университеті, 2012. – 397 с.

Шаблей П.С. История татарской общины Семипалатинска. Историческая этнология. – 2020. – № 5(1). – С. 75-94.

К.А. Медеуова, М.Ж. Қиқымбаев

Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті, Нұр-Сұлтан, Қазақстан

Мешітті мұражайландыру: қоғамдық кеңістіктердің қазақстандық дискурсы

Аңдатпа. Әлеуметтік сана қоғамдық кеңістіктерді жеке тұлғалардың интеракциясы мен қауымдастықтардың коммуникациясына қатысты ашықтығы мен жабықтығынан туындайтын ерекшеліктер арқылы сипаттауға бейім болғандықтан көп жағдайда олар туралы бұрыннан қалыптасып қалған және өзгере қоймайтын түсініктерді қолданады. Алайда, мәдениет пен күнделікті өмірдің үдерістері мен өзгерістерінің ықпалымен пайда болып жатқан қоғамдық кеңістіктердің трансформациясы және гибридизациясы сияқты сценарийлер көпшілікке үйреншікті түсініктерді қайта қарастыруды қажет ететіндей. Авторлардың пікірінше, қоғамдық кеңістіктер туралы дискурстарға әсер ететін мәдени және күнделікті тәжірибелердің қалада орын алу ықтималдылығы жоғары болғандықтан, зерттеушілерге әсіресе қалалық жағдайдағы жаңа өзгерістерге ерекше назар аударуы қажет.

Мақалада 1990-2021 жылдар аралығындағы статистикалық мәліметтердің, сондай-ақ 2021 жылдың желтоқсан мен 2022 жылдың наурыз айлары аралығында жиналған далалық зерттеулердің негізінде мешіттің әлеуметтік рөлі мен орны, оның бұқаралық қоғамдық кеңістіктегі дискурстарының ерекшеліктері көрсетілді. Негізгі фокус мәдени естеліктердің мұражайлар шекарасынан шығу, мешіттерде және кеңірек алғанда көпшілік орындарда көрініс тауып отырған мұражайландыру үрдістерін қарастыруға бағытталды.

Нәтижесінде, Қазақстандағы діни кеңістіктің өзгерістер мен сыртқы әсердің ашықтығына ерекше назар аударылып, мешіттердің діни рәсімдер мен жораларды орындап қана қоймай, оның бір жағынан, мемлекет, екінші жағынан, діни және мәдени институттардың өзара серіктестік қарым-қатынастары орын алатын жаңа қоғамдық кеңістік екендігі көрсетілді. Жекелеген кейстер негізінде мешіттердің қызметін кеңейтуге, оның ішінде әлеуметтік коммуникацияны дамытуға, діни құндылықтар мен мәдени естеліктер нарративтерін көпшілікке көрсетуге бағытталған жергілікті қауымдастықтардың өзара іс-қимылдары зерделенді.

Түйін сөздер: мешіт; мұражай; мәдени мұра; мәдени ландшафт; естелік орындары; коммеморация; апроприация; қоғамдық кеңістік; мұражайландыру; Қазақстан мұсылмандары діни басқармасы.

K.A. Medeuova, M.Zh. Kikimbayev

L.N. Gumilyov Eurasian National University, Nur-Sultan, Kazakhstan

Museumification of a mosque: Kazakhstani discourse of public spaces

Abstract. Public consciousness often replicates established notions of what public spaces mean, endowing them with familiar characteristics and features stemming from their openness or closedness to the interaction of individuals or the communication of communities. At the same time, as various processes and changes in culture and everyday life show, public spaces, violating our habitual notions of them, demand their reconsideration, as if insistently offering us new and unexpected scenarios of their own transformations and hybridizations. It is especially interesting to trace this to the examples of changes in urban life, where, in our opinion, the probability of the intersection of different practices influencing the construction of the discourse on new public spaces seems to be the highest.

The article presents some reconsideration of the role and place of the mosque in Kazakhstani society, in the discourse on public space based on statistical data from 1990 to 2021, as well as field data collected between

December 2021 and March 2022. The main focus is to trace the emergence of cultural memory beyond the boundaries of museums, the museification of Kazakhstani mosques, and wider public space.

The authors have fixed a new tendency to the openness of religious space in Kazakhstan, when mosques perform not only the usual cult rituals and ceremonies, but also become a new public space, a place of complicity of state, religious and cultural institutions. As individual cases, we analyzed collaborations among representatives of various local communities aimed at expanding the functions of mosques, including their use for broader social communication and the translation of religious values and narratives of cultural memory.

Keywords: mosque; museum; cultural heritage; cultural landscape; places of memory; commemoration; appropriation; public space; museumification; Spiritual Administration of Muslims of Kazakhstan.

References

Azhigali S. Pamyatniki Mangystau i Ustyurta: kniga-al'bom [Monuments of Mangystau and Ustyurt: book-album], (Almaty, Tipografiya «Oner», 2014, 504 p.), [in Kazakh].

Sagyndykov E. Aktyubinskaya oblastnaya central'naya mechet'. Avtor idei i proekta [Aktobe Regional Central Mosque]. Available at: <http://web.archive.org/web/20130125032849/http://aktobe.su/wp-content/uploads/2011/01/d0bcd0b5d187d0b5d182d18c-c2abd0bdd183d180-d0b3d0b0d181d18bd180c2bb.pdf>, [in Russian]. (accessed 13.07.2022).

Alekseenko A.N. Mesto vstrechi Ust'-Kamenogorsk: dva mira, dva obraza zhizni v poiskah vzaimodejstviya i sotrudnichestva [Meeting Place Ust-Kamenogorsk: Two worlds, Two ways of Life in Search of Interaction and Cooperation]. Institut mirovoj ekonomiki i politiki (IMEP) pri Fonde Pervogo Prezidenta RK – Lidera Nacii. Almaty. 2016. P. 11, [in Russian].

Altaev B. Fenomen muzejshchika Zajceva. Sajt TOO «Respublikanskaya gazeta «Egemen Kazakistan» [The phenomenon of the museum worker Zaitsev. Website of the «Republican newspaper «Egemen Kazakhstan» LLP.]. Available at: <https://kazpravda.kz/n/fenomen-muzejshchika-zaytseva> [in Russian]. (accessed 06.06.2022).

Amanzholova D.A. Rol' mechetej v socio-kul'turnom razvitii kazahskogo kochevogo obshchestva vo II-j polovine XIX veka [The Role of Mosques in the Socio-Cultural Development of Kazakh Nomadic Society in the Second Half of the XIX Century.]: dissertaciya na soiskanie stepeni doktora filosofii (Ph.D.): 6D020300 – Istoriya. [The Role of Mosques in the Socio-Cultural Development of the Kazakh Nomadic Society in the Second Half of the 19th Century: Doctor of Philosophy (PhD) thesis: 6D020300 – History], (Almaty, Kazahskij nacional'nyj pedagogicheskij universitet im. Abaya, 120 p.), [in Russian].

Batalina T.S. Analiz osobennostej formirovaniya obshchestvennogo prostranstva [Analysis of the Features of the Formation of Public Space.]. *Biznes i dizajn revyu*. 2017. Vol. 1. No. 1(5). P. 11-17, [in Russian].

Bissenova A. Building a Muslim Nation: The Role of the Central Mosque of Astana. In *Kazakhstan in the Making: Legitimacy, Symbols, and Social Changes*. (London, Lexington Books, 2011, 229 p.).

Zhukoven' O. Polutoravekovuyu mechet' vosstanavlivayut v Petropavlovsk. Mezhdunarodnoe informacionnoe agentstvo Kazinform [A century and a half old mosque is being restored in Petropavlovsk. Kazinform International News Agency]. Available at: https://www.inform.kz/ru/polutoravekovuyu-mechet-vosstanavlivayut-v-petropavlovsk_a3940636, [in Russian]. (accessed 06.06.2022).

Kikimbayev M., Medeuova K., Ramazanova A. Mosques in post-soviet Kazakhstan: discourse interpretation and regulatory practices. *Central Asia & the Caucasus* (14046091). 2021. No.22(4). P.14.

Medeuova K.A., Sandybaeva U.M., Naurzbaeva Z.ZH., Tolmagambaeva D.T., Ermaganbetova K.S., Mel'nikov D.N., Kikimbaev M.ZH., Ramazanova A.CH., Tlepbergen A.B., ZHetibaev E.ZH., Orazbaeva D.E., Poltavec K.A. (2017) *Praktiki i mesta pamyati v Kazahstane* [Practices and places of memory in Kazakhstan.]: monografiya. Astana, ENU im. L.N. Gumilyova, 318 p., [in Russian].

Medeuova K.A., Sandybaeva U.M. Sakral'naya geografiya v Kazahstane: kommemorial'naya politika gosudarstva i lokal'nye praktiki v publicnyh prostranstvah [Sacred Geography in Kazakhstan: the Commemorative Policy of the State and Local Practices in Public Spaces]. *Mir Bol'shogo Altaya* [The world of Big Altay]. 2018. No. 4(3). P. 438-447, [in Russian].

Nora P. Problematika mest pamyati. Franciya-pamyat' [The Problems of Memory Locations. France-Memory. Saint-Petersburg, Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 1999. P. 17-50, [in Russian].

Nurbaev Zh.E. Istoki formirovaniya institutov islama v Severnom Kazahstane [The Origins of the Formation of Islamic institutions in Northern Kazakhstan] (na materialah Petropavlovskogo uyezda Akmolinskoj oblasti). Elektronnyj nauchnyj zhurnal «edu.e-history.kz» 1(05), Available at: <https://edu.e-history.kz/ru/publications/view/360>, [in Russian]. (accessed 14.07.2022).

Pachenkov O.V. Publichnoe prostranstvo goroda pered licom vyzovov sovremennosti: mobil'nost' i «zloupotreblenie publichnost'yu» [Public Space of the City in the Face of Modern Challenges: Mobility and «Abuse of Publicity»]. Novoe literaturnoe obozrenie [New Literature Review]. 2012. No.117. P.67-83, [in Russian].

Pravilo stroitel'stva zdaniya mecheti v tipovom proekte v Respublike Kazahstan. Utverzhdeno 18 aprelya 2018 goda na HIIH zasedanii Soveta ulemov Duhovnogo Upravleniya Musul'man Kazahstana. – 3 str. (iz lichnogo arhiva M. Kikimbaeva) [The rule for the construction of a mosque building in a typical project in the Republic of Kazakhstan. Approved on April 18, 2018 at the XIX meeting of the Ulema Council of the Spiritual Administration of Muslims of Kazakhstan. 3 p. (from the personal archive of M. Kikimbayev)], [in Russian].

Sakral'nye ob'ekty Kazahstana obshchenacional'nogo i regional'nogo znacheniya [Sacred Objects of Kazakhstan of National and Regional Significance] (Astana, Foliant, 2017, 496 p.), [in Russian].

Saktaganova Z., Mazhitova Zh., Ajmahov E. Gosudarstvo i religiya v sovetskoj istorii: etapy i osobennosti vzaimootnoshenij v Kazahstane [The State and Religion in Soviet History: Stages and Features of relationship in Kazakhstan]. Vestnik KazNPU im. Abaya, seriya «Istoricheskie i social'no-politicheskie nauki» [Bulletin of KazNPU named after Abay, series «Historical and socio-political sciences»]. 2017. No. 2(53). P. 191-200, [in Russian].

Satubaldin A.K. Muzejnyj mir Kazahstana: osnovnye napravleniya deyatelnosti [The Museum World of Kazakhstan: the Main Areas of Activity]. Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv [Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Arts]. 2020. No. 52. P. 120-129, [in Russian].

Satubaldin Abay, Sakhiyeva Kunikey. The Museum System of Modern Kazakhstan: Classification and Typology of Museums. Muzeológia a kultúrne dedičstvo, 2021. 9(2). P. 79-89.

Statistika kul'tury (Deyatel'nost' muzeev). Sajt Byuro nacional'noj statistiki Agentstva po strategicheskomu planirovaniyu i reformam Respubliki Kazahstan [Culture statistics (Museum activities) (2021). Website of the Bureau of National Statistics of the Agency for Strategic Planning and Reforms of the Republic of Kazakhstan]. Available at: <https://stat.gov.kz/official/industry/21/statistic/7>, [in Russian]. (accessed 05.07.2022).

Trubina E. Prepodavaya «povorot k prostranstvu»: zachem, komu i vmeste s kem? [Teaching «Turning to Space»: Why, to Whom and with Whom?]. 2011. No.1.P. 39-61, [in Russian].

Ustav Aktjubinskogo gosudarstvennogo muzeya «Ruhaniyat». Utverzhden postanovleniem № 255 akimata oblasti ot 16 avgusta 2010 goda (iz lichnogo arhiva M.Kikimbaeva) [Charter of the Aktobe State Museum «Ruhaniyat». Approved by Decree No. 255 of the Regional Akimat on August 16, 2010 (from the personal archive of M. Kikimbayev)], [in Russian].

Fajzullina G.Sh. Hranenie, sostav i struktura muzejnyh fondov Kazahstana v sovetskij period skvoz' prizmu terminologicheskikh problem [Storage, Composition and Structure of Museum Funds of Kazakhstan in the Soviet period through the Prism of Terminological Problems]. Materialy respublikanskoj nauchnoj konferencii «IV Orazbaevskie chteniya» na temu «Problemy i dostizheniya Otechestvennoj arheologii i etnologii v HKHI stoletii, posvyashchennoj 90-letiyu A.M. Orazbaeva [Materials of national scientific conference «IV Orazbaev readings» on «Problems and achievements of Native archeology and ethnology in the 20th century», dedicated to the 90-th anniversary of A.M. Orazbaev], Almaty, Kazak universiteti. 2012. 397 p., [in Russian].

Shablej P.S. Istoriya tatarskoj obshchiny Semipalatinska [The History of the Tatar Community of Semipalatinsk]. Istoricheskaya etnologiya. 2012. No.5(1). P. 75-94, [in Russian].

Сведения об авторах:

Медетуова Кульшат Агизбаевна – доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой философии Евразийского национального университета имени Л.Н. Гумилева, Астана, Казахстан.

Кикимбаев Мейрам Жумабекович – Ph.D. докторант, Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева, Астана, Казахстан.

Medetuoova Kulshat Agibaevna – Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Head of the Department of Philosophy, L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan.

Kikimbayev Meiram Zhumabekovich – Ph.D. student, L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan.